

Владимир Яковлев

Владимир Яковлев родился в 1985 г. в городе Озёрске Челябинской области, живёт там же. Окончил Екатеринбургский государственный театральный институт по специальности «актёр театра драмы и кино» (2007), онлайн-школу поэзии «Земля Санникова» (Екатеринбург). Даёт частные уроки.

Выпускник Литературных курсов 2022 г.

Пишет стихи. Участник литературного объединения «Грани» (Кыштым). Автор поэтических сборников «Барабан» (2016) и «Путешествие вокруг белого кита» (2017). Публиковался в журналах: «Южный Урал», «Графоман», «Европейская словесность».

Победитель Конкурса имени Александра Петрушкина «Одно стихотворение – один победитель» и турнира поэтов VII Фестиваля поэзии малых городов имени В. П. Толокнова, лауреат XIX Региональных открытых «Каслинских литературных чтений».

Вошёл в шорт-лист открытого заочного литературного конкурса имени Николая Ивановича Годины (2023).

Участник форума молодых писателей России, СНГ и зарубежья (Москва, 2014), IV Международного открытого фестиваля авторской песни и поэзии «U235» (Ленинградская обл., 2017).

И новый день, и новые обличья

Рябь на реке прозрачная была.
И сколько было времени, не знаю.
Стоял я на краю большого валуна,
И, самого себя не узнавая,

Я мыслил о, да, впрочем, ни о чём.
Я вдаль глядел, и туча приближалась.
И лодку гнал течением бурный водоём.
А лодка та течению подчинялась.

Ударил гром, и я пошёл домой.
Я шёл, не оборачиваясь, только
Вдруг показалось мне, что в лодке над рекой
Был человек, который был не столько

Человек, скорее проводник
В какую-то незримую обитель.
Я оглянулся, обнадёженный на миг,
И улыбнулся лес мне, как спаситель.

Я делаю вид, что живу.
И вновь исчезающий ветер
С дороги сметает листву,
Какой-то бумажный пакетик.

Сперва шелохнётся слегка,
Потом, как бы вслед ожиданиям,
Сомнёт его чья-то нога.
И он своего оправдания

Не скроет. Вокруг всё плывёт,
Всё кажется новым и чистым.
А может, здесь кто-то живёт,
А не прикрывается жизнью.

Ты видишь: лавандовое масло разлилось
В виде какого-то неведомого существа.
И остывший чай отдаёт утончённо горечью.

Наступает вечер, который сглаживает
Все погрешности дня.
И понемногу падает снег.

Как узнать, долго ли мы будем бежать
От наступающего грядущего?
Пламя свечи напоминает зрачок

наблюдающего зверя.

Мы будем молчать,
Ведь разговор – это способ скрыть то,
В чём боишься признаться даже себе.

Разгневанный ветер
Будет ограждать нас от неизбежного.
Моя грудь, наверное, устала дышать.

Время, которое станет рекой,
Знанием зрелости, и постепенно
Сдаст на поруки курящий конвой
Всё, что ты видел, окажется тленом.

Ты опоясан безличием сна,
Тот, что с тобою ведёт разговоры.
Он призывает отдаться сполна
Старости, что превратит коридоры

В тёмную комнату, где зеркала
Ликом своим, расширяя пространство,
Скажут, что ты эта самая тьма,
Та, что желает с собою расстаться.

Как горько сознавать, что в суете рутинной
Не очень-то смогли мы преуспеть
Увидеть душу ту, что нас простила,
И над которой хочется реветь.

Увидеть те глаза, что в блеске искромётном
Смирением полны и нищетой,
Той Мандельштамовской и к жизни непригодной,
Что по привычке называется судьбой.

В надежде кроткой и такой щемящей,
Собачий вой раздастся над землёй.
Напомнит нам о боли настоящей
За нас за всех, за всех за нас с тобой.

Долго ли, коротко ли сентябрь,
Ясный мой, обветшалый.
Сколько ни льёт, а всё через край,
Сколько ни вьётся – мало.

Может быть, ночь взглянула в глаза,
Может быть, дождь осенний.
Поезд придёт на сонный вокзал,
Боязно во спасенье.

Вместо вагона благих щедрот,
Тихо ташу я детство.
Девственно стелется светлый покров.
Некуда деться.

Туман, и кажется свежо.
И кажется, что в переходах
Соседних арок всё легко,
И новый день как бы спросонок

Не ведает, что будет в нём.
И тусклых окон пробужденье
Указывает на проём
В котором теплится волнение.

Невозмутима череда
Всё успевающего люда,
Вершит насущные дела,
И утро новое повсюду.

И новый день, и новые обличья.
И времени блаженная канва,
Что изначально – норова обычай,
Или судьбы фатальная игра.

День, что хрусталь, блистательный и беглый.
Наивность точности улавливает взвесь.
Какой пейзаж невыносимо светлый,
Несокрушима пелена небес.

Дурманят мою голову предметы,
И жизни вещество погружено
В экстаз полуденного света,
И невесомей радости зерно.